

ветствующей демографической базы укрепления своего могущества в Северо-восточной Руси, поэтому истоки роста их политического влияния в регионе надо искать не во внутренних факторах, а во внешних – поддержка Золотой Орды, так справедливо полагал Николай Костомаров. Вторых, монгольское завоевание для восточной части Волго-Окского междуречья имело действительно серьезные негативные последствия, что подтверждает концепцию монгольского ига А.Н. Насонова [Насонов А.Н.] и других исследователей, придерживавшихся данного типа взглядов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Черных Н. Б., Карпухин А. А. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа) // Краткие сообщения института археологии, вып. 216, 2004, стр. 97 - 103.
2. Шполянский С. В. Перемышль Московский (к проблеме возникновения и роли города в системе обороны границ Московского княжества). // Археология центрального Черноземья и сопредельных территорий, Липецк, 1999 г.
3. Седова М.В., Беленькая Д.А.. Окольный город Суздаля. // Древнерусские города. Отв. ред. В. В. Седов. — М.: Наука, 1981. Стр. 95—115.
4. Варганов А. Д.. Из ранней истории Суздаля (IX—XIII вв.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 1946, вып. 12, стр 127—134.
5. Воронин Н.Н.. Архитектурный памятник как исторический источник. // Советская археология. XIX. М. 1954. Стр. 41-76.
6. Белхова М.И.. Монастыри на Руси XI - середины XIV века. // Монашество и монастыри в России. XI - XX века: исторические очерки. М., "Наука", 2002 г., стр. 25 - 56.
7. Рыбаков Б.А. Раскопки в Звенигороде (1943-1945 гг.). В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР; Материалы и исследования по археологии Москвы, т. II, № 12. М.-Л., 1949.
8. Никитин А.В. К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933—1934 гг.) // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы, т. IV, № 167, М., 1971.
9. Россия и степной мир Евразии / под ред. Ю.В. Кривошеева. СПб.: Изд-во С-Петербур. Ун-та, 2006.
10. Попов Г.Г. Российская история в контексте геополитических трансформаций евразийской оси // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки», №2, 2008.
11. Насонов А.Н.. Монголы и Русь. – С. Петербург, «Наука», 2006.

G. Popov

SOME CITIES OF VOLGO-OKSK REGION IN XII-XIV CENTURIES ACCORDING TO ARCHEOLOGIC EXPEDITIONS 1930 – 1940 TH, TO A QUESTION ON CHARACTER OF DEVELOPMENT OF NORTHEAST RUSSIA DURING THE MONGOLIAN PERIOD

Abstract: The article is devoted to problems of the Mongolian consequences influence on development of the Vladimir-Suzdal Russia and genesis of the Moscow state. In research the point of view is defended, that the eminence of Moscow has occurred not due to the social and economic reasons, and basically due to good political attitudes to Golden Horde. The given point of view is based on the results of archeologic expeditions generalized in the article.

Key words: Vladimir-Suzdal Russia, Moscow state, Mongolian consequences, archeology of medieval Russia.

УДК 2:001.12(470.314)

Киприянова Н.В.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Аннотация. Рассматривается проявление раскола на территории Владимирской губернии. Освещается политика официальной церкви по отношению к старообрядцам, тесное сотрудничество церкви и государства. Показано стремление к компромиссу, вызвавшее появление Единоверия. Делается вывод о вынужденном изменении вероисповедания в результате жестких экономических мер правительства.

Ключевые слова: церковный раскол, политика государства и церкви, купечество, единоверие.

Раскол Русской Православной Церкви, вызванный реформами патриарха Никона, стал серьезным испытанием для российского общества. Вековые религиозные традиции Руси объявлялись «еретичеством» и «грубыми заблуждениями», использование старых церковных обрядов воспринималось под угрозой наказания.

Раскол вызвал появление старообрядчес-

* © Киприянова Н.В.

тва. Современные исследователи определяют старообрядчество (или староверие) как «общее название русского православного духовенства и мирян, отказавшихся принять реформу патриарха Никона и стремящихся сохранить церковные установления и традиции древней Русской Православной Церкви» [47; 53]. Большой московский Собор с участием двух греческих патриархов в 1667 г. предал анафеме всех упорствующих в сохранении старых обрядов и книг. С.А. Зеньковский отмечал, что «в отношении старого русского обряда греческие организаторы и участники обора проявили крайнюю непримиримость» [35; 300]. После церковных анафем сосуществование староверов и реформаторов внутри единой Церкви стало невозможным. Староверы были поставлены перед выбором: смириться с новшествами или пойти на безусловный разрыв с официальной Церковью.

История раскола в самых разных его аспектах неоднократно являлась предметом исследования. В рамках представленной работы нет необходимости делать подробный обзор существующих точек зрения на причины, сущность, последствия раскола, особенности старообрядческой этики, взаимоотношения староверов, официальной церкви и государства. Автором данной статьи поставлена задача рассмотреть проявления раскола на основе материалов Владимирской губернии, выявить особенности восприятия староверия в предпринимательской среде, определить причины смены веры и роль государственной политики в данном явлении, проследить попытки поиска компромисса между старообрядцами и государственной властью в конце XVIII – первой половине XIX в. Выбор указанного периода обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, открытое противостояние на протяжении многих десятилетий показало, что от конфронтации не выигрывает никто. Даже во второй половине XIX в. были случаи саможжения, самопогребения, голодной смерти среди раскольников, не желавших подчиняться «никонианам» [46; 444]. Подобные события вызвали различные слухи и толки, что было невыгодно власти. Во-вторых, в оппозиции официальной церкви (и, следовательно, государству) оказались многие представители купечества. Формирующаяся буржуазия постепенно становилась экономически влиятельной силой, и государству приходилось учитывать данное обстоятельство в поисках компромисса.

Источниковой базой исследования являются светское и церковное законодательство, депутатские указы в Уложенную комиссию Екатерины II, материалы делопроизводства Владимирской духовной консистории, губернского правления и казенной палаты из фондов Государственного архива Владимирской области.

Противники официальной никонианской церкви никогда не считали себя раскольниками, предпочитая названия «староверы» или «старообрядцы». Власть рассматривала их как людей подозрительных, способных на протест против проводимой политики. Отсюда – стремление заставить «непокорных» подчиниться, любой ценой вернуть в лоно православной церкви. В Вязниковском, Гороховецком, Суздальском, Шуйском уездах, вошедших впоследствии в состав Владимирской губернии, первые «сыски» раскольников были проведены в конце 50-х гг. XVII в. Наряду с ревнителями «старой веры» среди пойманных оказалось немало последователей учения монаха Капитона, начавшего свою деятельность еще задолго до раскола. Капитон отрицал необходимость профессионального духовенства и церковных властей [48; 132]. Впоследствии именно в этих районах было зафиксировано больше всего старообрядцев.

Следует отметить, что с самого начала светская и духовная власти действовали сообща, считая основной своей задачей «вразумление и обращение» последователей старой веры на «путь истины». Долгие годы старообрядцы безуспешно надеялись, что власть вернется к «святой старине», что раскол можно преодолеть с помощью публичного диспута. Однако власти отвечали репрессиями. Меры воздействия на тех, кто осмелился не согласиться с официальной церковной политикой, колебались от пасторских увещаний и письменных обличений до телесных наказаний, пыток, ссылки с конфискацией имущества и смертной казни [38; 70]. Именно этот начальный период отличался наибольшей строгостью и жестокостью. По мнению А.А. Синайского, до начала правления Петра I гражданская власть действовала «в интересах церкви», охраняя ее «благо и спокойствие» [43; XIII].

С начала XVIII в. тактика в отношении раскольников несколько смягчилась, несмотря на то, что правление Петра I характеризовалось жестким противостоянием старообрядцев и власти. Стали применяться экономические меры воздействия. В 1705 г. вышел специальный указ, предписывавший всем, кто желает носить бороду, платить специальный налог. Со староверов полагалось взимать пошлину в двойном размере. [20; № 2015; 24; № 3944]. Со временем экономическое давление на старообрядцев усиливалось.

Следующим шагом в этом направлении стал именной указ от 8 февраля 1716 г., в соответствии с которым требовалось староверов «описать ... и положить их в оклад против настоящего платежа ... вдвое» [21; № 2991]. Двойной оклад стал платой за разрешение открыто жить в селениях и городах «без всякого сомнения и страха». Однако гонения на староверов после «описания» и легализации их

не прекратились. Дополнительной мерой для «открытия» раскольников было предписание «всем и каждому» ходить на исповедь «повсюгодно», а о тех, кто не будет исповедываться, священнослужители должны были доносить «гражданскому начальству». [23; № 3138].

Учет раскольников становился обязательной функцией официальной церкви. С 1721 г. в Суздальскую духовную консисторию постоянно поступали донесения «о записавшихся в раскол купцах и мещанах с женами» [19; 1]. Тем не менее, полностью выявить всех староверов было невозможно. В Вязниках, одном из признанных центров раскола, по четвертой ревизии было зарегистрировано всего 30 «записных раскольников» из 657 купцов [18; Л. 150 об.]. По мнению исследователей, «потайных раскольников» было намного больше, чем «записных». Они жили, «переходя по городам и селам» [40; 139]. Впоследствии Владимирская консистория неоднократно получала предписания о «доставлении два раза в год сведений о старообрядцах Владимирской губернии» [19, 38; 4, 1; 11, 3.], а в первой половине XIX в. для Святейшего Синода готовились подробные таблицы по каждому городу и уезду губернии с указанием количества душ раскольников мужского и женского пола «по разным их толкам» [11; 3-5].

Сложности во взаимоотношениях с гражданской властью для старообрядцев увеличивались из-за отсутствия единства среди самих староверов. Это выразилось в появлении различных согласий (сообществ, старообрядческих организаций), не объединенных единой иерархией [44, 53]. Наиболее значительными из них были два основных течения: «приемлющие священство», совершение таинств и треб (так называемые поповцы) и отказавшиеся от священнослужителей (беспоповцы). Во Владимирской губернии преобладали поповцы. Они стремились сохранить древнее православие на основании действующих гражданских законов.

Постоянные гонения со стороны правительства вынуждали староверов консолидироваться, поддерживая друг друга. В условиях «государственного прессинга» старообрядцы не только сохранили свою веру, но и проявили заметную экономическую предприимчивость. Даже П.И.Мельников-Печерский отмечал, что «во Владимирской, Ярославской губерниях то и дело появлялись фабрики, и все раскольничьи» [41, 210]. Часто предприятия, принадлежавшие раскольникам, представляли собой нечто вроде религиозных общин.

Одним из первых подобных заведений стала основанная в 1755 г. полотняная фабрика шуйского старообрядца Я. Игумнова [30, 66]. Игумнов был исключительно влиятельным в городе человеком.

Только этим можно объяснить тот скандальный факт, что в дом этого «записного раскольника» по его просьбе была доставлена из собора чудотворная икона Смоленской Пресвятой Богородицы. Это событие стало предметом разбирательства в консистории [19, 25-26]. В начале 60-х гг. XVIII в. в «потаенном расколе» был заподозрен известный промышленник Аким Мальцов. Расследование началось по «доношению мастера на хрустальной и стеклянной фабрике» Г.Н. Воробьева, который утверждал, что в доме Мальцова при заводе «устроена особая молельня с подобающей обстановкой». Во время обыска было «вынуто святых мощей разных частиц с лишком до 60-ти» и более пятидесяти старопечатных книг, которые впоследствии «неведомо почему» были возвращены хозяину. Наиболее серьезным являлось обвинение в том, что предприниматель «принуждал» к старообрядчеству работавших у него на заводе людей, заставляя их «молиться по его, Мальцова, обычаю». Дело тянулось около трех лет, но никаких серьезных последствий не имело – авторитет и деньги промышленника помогли прекратить расследование [33, 233-234; 39, 213-221].

По данным П.М. Экземплярского, значительная часть «капиталистов» крестьян, ставших впоследствии купцами, принадлежала к староверам [49, 79]. В Иваново «столпом раскола» был признан крупнейший фабрикант конца XVIII в. – бывший крепостной Ефим Грачев [42, 81]; представитель еще одной крупной предпринимательской фамилии – М. Гарелин – выделил землю для строительства каменной старообрядческой молельной. В Дунилове (Шуйский уезд) известным лидером раскольников на рубеже XVIII - XIX в. был Семен Балин [32, 8].

Поскольку староверы не могли участвовать в церемонии присяги, включавшей в себя церковный обряд целования креста, то им запрещалось занимать даже самые низшие административные должности. Таким образом, купцы-старообрядцы были освобождены практически от всех городских повинностей, в том числе и от обременительных для купечества «отъезжих служб». Это вызвало справедливое недовольство православных купцов, вынужденных отбывать повинности и за себя, и за староверов.

Вопрос о записи «в раскол» был поставлен в депутатских наказах в Уложенную комиссию именно в связи с отбыванием различных «служб». Купечество Вязниковской слободы прямо указывало на причину смены веры как стремление «под покровом раскола не отправлять службы и свободнее исправлять свои торги». При этом отмечалось, что «в раскол» записываются многие состоятельные купцы. Поэтому в своих наказах купечество Вязниковской слободы, Шуи, а также Зарайска и Ржева

настаивало на распространении на старообрядцев обязанности отбывать все городские повинности в полном объеме. [27; 420, 441, 542-544]. В наказе Ярославля было даже высказано предложение вообще запретить раскольникам заниматься торговлей [27; 343, 366.]. Формой ущемления прав старообрядцев являлось также требование ряда архиереев о крещении детей староверов по обрядам никонианской церкви [27; 420.] Сами раскольники просили разрешить им «отправлять вечернее и утреннее пение по старопечатным московским книгам» [28; 205.]

Экономическое давление на старообрядцев долгое время оставалось неизменным. Только в 1782 г. именным указом от 20 июля Екатерина II освободила староверов от двойного денежного оклада. Отныне они должны были платить «те подати, кои по состоянию каждого на него положены» [25, № 15437]. С 1783 г. было запрещено употребление самого наименования «раскольник» – оно официально заменялось словом «старообрядец» [29; 710-723]. Более того, с 80-х гг. XVIII в. в России начали открываться храмы и монастыри, в которых священникам было дозволено служить «по старым обрядам».

Не следует думать, что законодательные акты сразу кардинально изменили взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви со староверами. На протяжении двух с половиной столетий светская власть неоднократно переходила от политики репрессий к определенному либерализму, а затем – снова к давлению и ущемлению обычных гражданских прав старообрядцев. Позиция официальной церкви была более прямой, менее склонной к компромиссам.

В 1800 г. крестьяне Гороховецкого, Вязниковского и Шуйского уездов подали во Владимирское губернское правление прошение, в котором просили защитить их «от притеснения священнического». Вопреки всем постановлениям и указам священнослужители принуждали староверов «ходить к исповеди», заходили «в дома незваны», «налагали денежные сборы» [17; 3-3 об.]. В архивах Владимирской, Переславской, Суздальской консисторий, Владимирского губернского правления сохранилось множество дел о запрещении устраивать старообрядческие молельни [19; 11, 36, 39, 259], о наказании священнослужителей за совершение обряда венчания «записных раскольников» или староверов с православными [19; 8, 15, 24, 34, 69], о постоянно возникающих сложностях с отведением земель для старообрядческих кладбищ [19; 43, 44, 50, 56 и др.] и т. п. Вместе с тем, отношение к старообрядчеству со стороны рядового духовенства было далеко не однозначным. Хорошо известно, что некоторые священнослужители и через 100-200 лет после раскола примыкали к ста-

роверию, хотя и подвергались за это различным наказаниям. Среди «заточников» Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря было много «беглых попов», чья вина состояла в «уклонении в раскол» [19; 36, 38, 106, 276]. Порой священнослужители, сохраняя приверженность Православию, проявляли определенную лояльность к раскольникам. Известны случаи, когда они не только венчали старообрядцев, но и фиксировали эти браки «в обысках правоверными» [19; 44]. В Гороховце сразу три священника в середине XIX в. были обвинены в выдаче «купцам и купчихам неправильных свидетельств о православии» [19; 272].

Поворотным пунктом в истории старообрядчества стало утверждение Павлом I 27 октября 1800 г. так называемого Единоверия [26, № 19621]. В самом общем плане Единоверие можно рассматривать как вариант воссоединения части староверов с официальной церковью, в результате чего они получили право совершать богослужения и таинства по старопечатным, дониконовским книгам при условии иерархической подчиненности Православной Церкви и принятии священнослужителей от православных архиереев [36, 12-13].

Основой для законодательного утверждения Единоверия стало прошение части московских старообрядцев, выдвинувших шестнадцать предложений об «отправлении службы Божией по старопечатным книгам». Московский митрополит Платон написал к прошению комментарии. Получившийся документ стал называться «16 пунктов преосвященного Платона митрополита Московского». В указе Святейшего Синода отмечалось, что «приемших и согласившихся» не следует более называть старообрядцами или раскольниками, ибо «в Церкви ничего нового нет и нет новообрядцев, а называть их ... единоверцами» [45, 170].

Единоверие заняло промежуточное положение между православием и старообрядчеством. Среди религиоведов нет единого мнения, причислять ли единоверцев к «старообрядческому сообществу» [37, 22] или нет [47, 54]. Объединяет эти позиции признание факта «канонической подчиненности» единоверческой церкви Московскому Патриархату.

Казалось бы, все должны быть довольны. Староверам предоставлено право сохранять свои обычаи и обряды и иметь священнослужителей, подчиняющихся Синоду. Государство получило возможность контролировать часть старообрядцев. Однако присоединение к Единоверию происходило не так успешно, как этого желали власти: подавляющее число старообрядцев не захотело подчиняться господствующей церкви даже на условиях «16 пунктов». В частности, в с. Дунилово Шуйского уезда старообрядцы разделились на сторонников Единоверия (их лидером стал

купец С. Балин) и тех, кто безусловно стремился сохранить приверженность «старой вере» [36, 13]. Власти решили поддержать единоверцев. В 1820 г. Владимирская духовная консистория уже рассматривала вопрос «о дозволении построить в с. Дунилове единоверческую церковь» [19, 54]. Первоначально церковь размещалась в бывшей старообрядческой часовне. В 1821 г. был открыт единоверческий приход, к которому приписались около 200 бывших старообрядцев не только из Дунилова, но и Шуи, Кохмы, Иваново. На средства московской купчихи Евфимии Каретниковой построили и освятили в 1831 г. пятиглавую каменную Успенскую единоверческую церковь [36, 14]. Церковным старостой был избран Семен Балин [19, 80].

Впоследствии единоверческая церковь начала функционировать в с. Иваново. Деньги на ее постройку выделил бывший старообрядец Диодор Бурыйлин, родоначальник известной династии текстильных фабрикантов [36, 14]. В конце 30-х гг. XIX в. был открыт Дубасовский единоверческий приход в Судогодском уезде, а в 1854 г. – во Мстере Вязниковского уезда [31, 93].

Присоединение купцов-старообрядцев к синодальной церкви происходило очень медленно. По данным Владимирской духовной консистории в конце XVIII – первой четверти XIX в. сменили веру купцы И. Горбунов (Переяславль), Н. Хилков (Вязники), В. Андреев и «купецкая дочь» К. Зезина (Покров), М. Игумнов. И. Корнаузов, У. Афророва. В. Иванов «с семейством» (Шуя) [19; 8, 14, 29, 64].

С началом правления Николая I временные послабления раскольникам прекратились. Старообрядческие церкви стали передаваться единоверцам. Значительно ужесточились меры по отношению к беглым священникам. С целью искоренения раскола правительство распорядилось с 1838 г. крестить детей староверов по православному обряду. Родители при этом должны были давать письменное обещание, что не будут препятствовать в воспитании своих детей в православии. Тем не менее отказы в выдаче таких расписок известны в Суздале, Муроме, Коврове, Юрьеве-Польском [19; 126, 173, 181, 262]. Религиозное воспитание собственных детей в подобных случаях могло рассматриваться как «сворачивание в раскол».

Правительство пыталось пресечь любые попытки воздействия на сознание детей со стороны старообрядцев. В делах Владимирской духовной консистории сохранилось сообщение директора училищ Владимирской губернии «об изгнании из городов и сел самозванцев-учителей невежд раскольников» [19, 45]. Государство не стеснялось обременять Православную Церковь чисто полицейскими функциями. В 1854 г. Владимирский гу-

бернатор В.Е. Анненков направил епископу Владимирскому и Суздальскому Иустину предписание «тщательно разведывать через местное духовенство, не обучают ли грамоте детей раскольники и раскольницы». Вскоре после этого в консисторию начали поступать сообщения благочинных из Вязников, Коврова, Судогды, Переяславля, Гороховца, Покрова, Шуи, с. Иваново о мещанах, «состоящих в расколе и обучающих грамоте» детей городских жителей [1; 1,2, 8-39, 46-62]. Доходило до того, что священники ходили «по улицам и подслушивали под окнами, не читают ли где дети вслух.» [36, 19].

Все перечисленные методы неявного принуждения не давали желаемых результатов. Тогда правительство решило нанести удар по наиболее состоятельной части староверов – купцам. Было объявлено, что с 1 января 1855 г. они лишаются права получать торговое свидетельство и вести предпринимательскую деятельность. Это распоряжение произвело громадный переполох среди старообрядцев-промышленников и торговцев [44, 97]. Их реакцию можно проследить по делам из архива Владимирской духовной консистории, ярко характеризующих деятельность местных властей (светских и духовных) по реализации правительственных распоряжений.

В декабре 1854 г. вышло секретное постановление владимирской казенной палаты (со ссылкой на циркулярное письмо министра финансов) о том, чтобы городские думы при регистрации объявляемых капиталов требовали от купцов свидетельства о принадлежности их к Русской Православной Церкви. Время было выбрано не случайно: 31 декабря – последний день регистрации капиталов для записи в гильдии на следующий год. Свидетельствами о принадлежности к РПЦ могли быть выписки из метрических или исповедных книг [2, 1-2]. Выдавать их имела право только духовная консистория.

Духовная консистория в свою очередь отравила секретные предписания по всем городам Владимирской губернии «разведать, не записаны ли в купечество на 1855 г. явные или потаенные раскольники» [2, 9-9 об.]. В ответ на эти предписания городские думы тринадцати уездных городов Владимирской губернии, а также ратуши Гавриловского и Вознесенского посадов прислали в консисторию списки лиц, объявивших гильдейский капитал на 1855 г. В списках дополнительно указывалось, в приходе какой церкви состоит тот или иной человек. Всего по губернии на 31 декабря 1854 г. объявили купеческий капитал 1344 чел, в том числе 40 человек – единоверцы [2, 183-254].

Для многих из них переход в единоверие был вынужденным, вызванным очередным натиском государства. Доказательством этого служат заявления (прошения) предпринимателей, дати-

рованные декабром 1854 г. Среди них показательным является дело о присоединении из раскола к Единоверческой церкви владимирского купца Петра Никифоровича Бузина.

Начало дела относится к 13 декабря 1854 г. Этим числом датировано письмо Иустина, епископа Владимирского и Суздальского, военному и гражданскому губернатору г. Владимира В.Е. Анненкову. Иустин сообщал, что по имеющимся у него сведениям в г. Владимире на Нижегородской улице напротив архиерейского дома купец, «раскольник беспоповщинской секты», содержит в своем доме без позволения правительства моленную. К нему часто приезжают раскольники из с. Богослово и других мест для совершения раскольнических обрядов. Более того, Бузин «слывет даже между раскольниками под именем диакона». Далее Иустин просил губернатора отдать распоряжение об уничтожении моленной и изъятии раскольнических книг, «вредных для православия» [6; 1-1 об.].

Уже 15 декабря владимирский полицмейстер секретным рапортом сообщал губернатору, что в доме Бузина в присутствии специального депутата от купечества и трех свидетелей был произведен внезапный обыск. Результаты обыска прямых доказательств принадлежности Бузина к расколу не дали. В доме были обнаружены иконы «старинной живописи в обыкновенной киоте». Хозяева (Бузин с женой и двое его женатых сыновей) проживали в четырех маленьких комнатах. Что же касается сборищ раскольников для совершения своих обрядов, то это, по мнению полицмейстера, «и предположить даже трудно». Во-первых, часть комнат сдавалась внаем разным людям; во-вторых, на расстоянии не более «десяти сажень» от дома находилась полицейская часть. Все это, как считал полицмейстер, делало невозможным раскольничьи сборища [6; 3-3 об.]. Более того, опросы соседей показали, что Бузин и члены его семьи регулярно посещают церковные службы. Распространением же «неосновательных слухов» о незаконной моленной занимался купец Зубков, который «издавна имел личное неудовольствие и вражду» к Бузину [6; 4-4 об.].

Во время обыска у купца в чулане «между всяким домашним хламом в пыли» было найдено несколько изорванных книг «славянского письма на манер печатных», а в лавке – книги «духовного содержания, но не пропущенные духовной цензурой». Бузин объяснил, что приобрел их «на базаре у неизвестных крестьян». Книги внимательно изучили в духовной консистории и ничего «оскорбительного для Православной Церкви» в них не обнаружили и вернули хозяину [6; 6-6 об.].

На этом инцидент можно было бы считать исчерпанным и рассматривать его, как ориги-

нальный способ борьбы с конкурентами, но история имела неожиданное продолжение. 18 декабря Петр Никифорович Бузин подал в духовную консисторию прошение, в котором сообщал, что с «давнего времени родители его держали раскол», и сам он с детьми никогда не бывал на исповеди. В настоящее же время они имеют «твердое намерение быть в православии», поэтому просят разрешения «присоединиться к Единоверческой Дубасовской церкви Судогодского уезда» [7; 1-1 об.].

Всего в декабре 1854 г. было подано восемнадцать прошений от купцов Владимирской губернии [3; 4; 5; 8; 9; 10; 11; 12; 13] о переходе в Единоверческую церковь. Некоторым предпринимателям было по 65 и даже 79 лет. Обосновывали этот поступок купцы примерно одинаково: «на увещевании познав гибельность раскола», «удостоверясь в справедливости христианских обрядов», «всчувствовав душегубное свое заблуждение», «познав, что вне Православной церкви и ее спасительных таинств нет спасения человеку» и т.п. Тем не менее, факты свидетельствуют, что «всчувствование заблуждений» произошло под влиянием очередного нажима со стороны власти, при непосредственной угрозе потерять возможность заниматься предпринимательством и, следовательно, понести значительные убытки. Кроме того, лишение права объявления купеческого капитала неминуемо вело к потере сословных привилегий и несению тягостной рекрутской повинности. Правительство прекрасно осознавало, что в сложившейся ситуации смена вероисповедания – мера вынужденная. Изменив веру один раз, можно это сделать и вторично. Не случайно в 30-50-е гг. Владимирская духовная консистория по распоряжениям Святейшего Синода или министерства внутренних дел неоднократно проводила проверки «истинности обращения в православие» старообрядцев. Особенно пристального внимания удостоивались наиболее известные и зажиточные купцы: Гарелины, Борисовы (Юрьев-Польский), Суздальцевы, Гундобины (Муром), Шанины (Вязники) и др. [19; 110, 116, 120, 136, 145, 152, 161, 162, 175, 176].

Исследуя запись купцов в «раскол» в первой половине - середине XVIII в., А.В. Демкин пришел к выводу, что этот шаг являлся актом социального протеста. Смена вероисповедания часто была вызвана трезвым расчетом, стремлением к материальной выгоде. [34, 132.]. Безусловно, данный мотив присутствовал в действиях части купечества как реакция на непродуманную политику правительства. В таком контексте купцов-староверов можно было бы считать абсолютно беспринципными дельцами. Однако даже противники старообрядцев были вынуждены признавать, что староверы отличались честностью при заключении сделок

в своей среде и взаимовыручкой, что не всегда являлось правилом для православных купцов.

Можно считать, что к середине XIX в. государство исчерпало свои возможности воздействия на купцов-староверов. Только угроза реализации предложения ярославского купечества в Уложенную комиссию о запрещении торговли заставила часть старообрядцев перейти в Единоверие. Безусловно, определенный элемент меркантилизма при изменении вероисповедания у купечества был, но следует признать, что он был связан со значительными сложностями в выполнении профессиональной (предпринимательской) деятельности. Почти через два столетия после раскола власть нашла наиболее рациональный метод воздействия на непокорных.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственный архив Владимирской области. (Далее: ГАВО). Ф. 556 (Владимирская духовная консистория). Оп. 1. Д. 1567.
2. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1568.
3. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1590.
4. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1593.
5. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1633.
6. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1637.
7. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1646.
8. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1647.
9. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1661.
10. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1684.
11. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1686.
12. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1691.
13. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1723.
14. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1754.
15. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1759.
16. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1762.
17. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 742.
18. ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 104.
19. Хронологическая опись дел о расколе, хранящихся в архивах губернского города Владимира. Ч. 1 (1720-1855 гг.) / Сост. Ф.К. Сахаров. – Владимир, 1905.
20. Полное собрание законов Российской империи. (Далее: ПСЗ.). Издание 1-е. СПб., 1830. Т.IV. № 2015.
21. ПСЗ. Т. V. № 2991.
22. ПСЗ. Т. V. № 2996.
23. ПСЗ. Т. V. № 3138.
24. ПСЗ. Т. VI. № 3944.
25. ПСЗ. Т. XXI. № 15437.
26. ПСЗ. Т. XXVI. № 19621.
27. Русское историческое общество. Сборники. (Далее: Сб. РИО.). Т.93.
28. Сб. РИО. Т. 107.
29. Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Святейшего Синода. Кн. I. СПб., 1860.
30. Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851.
31. Борисов В.В. Роль единоверцев в истории слободы Мстера Вязниковского уезда // Известные и неизвестные события и имена в истории и культуре Владимирской земли: Материалы областной краеведческой конференции (18 апреля 2003 г.). Владимир, 2003.
32. Венедиктова Т. Балины // Былое. 1996. №8.
33. Гавлин М.Л. Российские предприниматели и меценаты. М., 2005.
34. Демкин А.В. Запись купцов «в раскол» как форма социального протеста (60-е гг. XVIII в.) // Социальная структура и классовая борьба в России XVI - XVIII вв. М., 1988.
35. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения XVII в. М., 1995.
36. Иванов Ю.А. Шуйские раскольники. Шуя, 1997.
37. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.
38. Ключков В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР. М., 1982.
39. Малиновский И.В. Потаенный раскол содержателя Гусевской хрустальной фабрики близ села Селимова Владимирской губернии купца Якима Васильева Мальцова (1761 – 1763г.) // Труды Владимирской Ученой архивной комиссии. Кн. V. Владимир, 1903.
40. Мельгунов С.П. Религиозно – общественные движения XVII – XVIII вв. в России. М., 1922.
41. Мельников-Печерский П.И. Письма о расколе // Собр. соч. в 6-ти т. М., 1963. Т. 6.
42. Полянский Ф.Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958.
43. Синайский А.Л. Отношение русской церковной власти к расколу старообрядчества в первые годы синодального управления при Петре Великом (1721-1725 гг.). СПб., 1895. С. XIII.
44. Старообрядчество: Люди, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
45. Старообрядчество: светское и церковное законодательство. XVII-XVIII вв. Арзамас, 2001.
46. Христианство: Энциклопедический словарь. В 3-х т. М., 1993. Т. 1.
47. Шахов М.О. Старообрядческое мировоззрение: религиозно-философский аспект и социальная позиция. М., 2002.
48. Шульгин В.С. «Капитоновщина» и ее место в расколе XVII в. // История СССР. 1969. №4.
49. Экземплярский П.М. История города Иваново. Иваново, 1958.

N. Kipriyanova

ECONOMIC AND СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ASPECTS OF CHURCH SPLIT (ON MATERIALS OF THE VLADIMIR PROVINCE)

Abstract: The article deals with the effects of the schism as seen on the territory of Vladimir Province, the policy of the Established Church towards the Old Believers, close association of the Church and the State. The article reveals striving to compromise that brought about the appearance of Edinoverie, and provides a conclusion on the forced change in religious persuasion resulting from the harsh economic measures introduced by the Government.

Key words: the schism, State and Church policy, merchantry, Edinoverie.